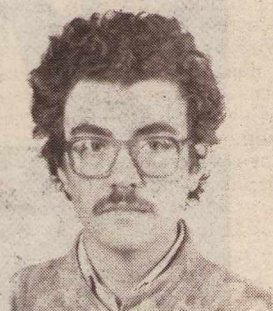

КРИТИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ

Г

ОВОРЯТ, испаряется все — вот уже и культурный контекст исчезает. Поначалу пробивали «запретное».

Потом включились в политическую борьбу. Потом пошла «борьба поколений». Лежащие на поверхности задержанные сюжеты 60-х — 70-х — 80-х практически исчерпаны. Пенки сняты. На глубину — страшно: во-первых, надо додумывать до конца не историю КПСС, а историю страны, и не «бороться» за национальное самоопределение, а брать на себя ответственность за свои мысли о путях дальнейшей самоидентификации людей России — социально-психологической, историко-культурной и так далее. Или не брать, поставив на всех минувших дискуссиях большой жирный крест, и наконец-то заняться собой, и совершенствоваться в профессии — святое дело.

Но мне кажется, что такого рода энергический жест сегодня — не от хорошей жизни. Это не выбор, а просто усталость. Нет контекста — ну и не надо, не выгорело с миссией учителей жизни — переделаемся в учителей словесности (или других гуманитарных дисциплин), с пустых небес спустимся на грешную землю и начнем улучшать нравы, критикуя друг друга за сервизм, безнравственность и политическую неблагонадежность и хваля друг друга же за верность принципам, моральную устойчивость и вечную оппозиционность.

И это на фоне перемен, которые страшно заметить, ибо впервые на месте запланированного конца — открытый финал.

Сдается, «плохого» финала ждут с большей уверенностью не потому, что шансов пропасть — много больше, чем выплыть, а, как это ни странно, потому, что так легче и можно опять все свалить на «обстоятельства», под которыми каждый понимает свое, но все — одинаково скверное. И предо-

пределенность поглощает свободу воли.

Захотелось пойти от противного — не от того, что хотели и что получили, а просто от того, что есть. От реально и каждодневно создаваемого контекста, от лиц и сюжетов, возникающих на газетных и журнальных страницах. Давление общественных страстей и злобы дня (и «Дня») по-прежнему велико, но постепенно становятся очевидными действительно неотложные сюжеты, заданные парадигмой развития отечественной культуры и до поры неочевидные.

Тарковский
как сюжет

Теперь они выступают на поверхность. Так что у рубрики колонки смысл двойной — имеется в виду преимущественно ситуация в критике, но и ситуация кризиса, дошедшая до критической отметки.

Сюжет первый связан с Андреем Тарковским. Практически одновременно в «Искусстве кино» (№ 10 за 1991 г.) и журнале «Знание — сила» (№ 12 за 1991 г.) появились статьи Сергея Лаврентьева и Зары Абдуллаевой — соответственно, «Туман после пейзажа» и «Мессия в зоне». Первая посвящена Тарковскому частично (в той мере, в какой его творчество было связано с самим феноменом советского кино как художественной системы), вторая, как ясно из заглавия, — целиком. Обе великолепны, обе горьки и саркастичны. И обе при желании можно воспринять как посягательство на святыни, то бишь на «священную корову», которую успели сделать из Тарковского наша кинообщественность и интеллигенция.

Уже ясно, что без тотальной переоценки культурной традиции, согласно которой пишущий, рисующий, снимающий у нас «больше чем...», ни к какой реальности приблизиться не удастся. Внешние признаки этой традиции описаны давно, нынешняя среда ее бытования — тоже. Осуждено всяческое мифотворчество, а также созидание кумиров и амплуа страдальцев. Как будто подтверждается предсказание, данное одним из героев «Пушкинского дома» А. Битова, — точнее, упреждающий диагноз состояния культуры как **видимости** духовной жизни, иллюзорного бытия, как тотального банкротства интеллигенции: «шестидесятники» — это только начало.

Спонтанно возникшая дискуссия о Тарковском (ожидается и специальный номер «Киноведческих записок», посвященный режиссеру) — тоже симптом каких-то идущих на глубине процессов. Каких же?

Для Лаврентьева Тарковский — мученик, жертва, но и любимая игрушка Системы. При полном игнорировании прав зрителей, желающих нормального массового кино в перестроечной политике проката, мы остались у разбитого корыта, и закрытый кинематограф в закрытой стране — наше нормальное состояние. Это, впрочем, лишь предпосылка лаврентьевских размышлений, но не окончательный вывод. Интересующий нас в данном случае вывод — другой: только в таком Кинематографе Тарковский получил ту несообразно высокую оценку «поверх» **реального** мирового кинопроцесса, какую получил.

Что же касается Зары Абдуллаевой, то ее статья — прямая проекция на Тарковского всех комплексов подсоветской интеллигенции с ее «нормой выпадения из нормы» и их анализ.

Мне есть что возразить в каждом отдельном случае. Но это — потом, по ходу дела. Пока же замечу: сюжет о Тарковском вписывается в более широкую дискуссию об оценке сегодняшней интеллигенции с точки зрения «Вех», не за горами и чисто кинематографические эффекты и аффекты борьбы с кумиротворчеством. Но он важен и как точка отсчета в дальнейших конкретных спорах.

И подождем запальчиво цитировать в ответ эпиграф к «Ревизору» о «роже» и «зеркале». Ибо — нащупан действительный контекст.

Андрей ШЕМЯКИН.